

К вопросу о системном лексико-типологическом исследовании славянских глаголов¹

Исаму ЯМАДА

[I.] Введение

[II.] *paliti и *žegti

[III.] *užiti и *uživati

[IV.] Заключение

Литература

Резюме (Summary)

I. Введение

В целом в монографии рассматриваются три категории эмпирического анализа с целью:

1. сопоставить западнославянские и южнославянские языки с восточнославянскими;
2. внести некоторые уточнения в принципы, в соответствии с которыми глаголы лексикализировались;
3. выяснить, как распространялось на глагольную основу диахроническое внутреннее изменение выражения субъекта-деятеля, которое произошло в изолирующих, агглютинативных и флективных языках.

В своей монографии Г. А. Климов объясняет самостоятельность языков активного строя в отличие от номинативного и эргативного:

¹Работа выполнена в рамках гранта ЯМНП № 20320050 (руководитель Н. Тюдзё)

«Исследования последних нескольких лет дают основания утверждать, что в настоящее время возникла возможность сопоставить две ранее постулированные целостные типологические системы — номинативную и эргативную — с третьей, активного строя. ...

Язык активного строя можно коротко определить как такой тип языка, структурные компоненты которого ориентированы на передачу не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активными и инактивными участниками пропозиции. В соответствии с этим глаголы лексикализованы в нем по признаку активности — стативности, а не транзитивности – интранзитивности, а субстантивы разделены на активные (одушевленные) и инактивные (неодушевленные). Соответственно, в синтаксисе здесь выступает корреляция активной и инактивной конструкций предложения, а также ближайшего и дальнейшего дополнений, и в морфологии — оппозиция активной и инактивной серий личных показателей глагола или активного и инактивного падежей имени и т. п.» [Климов 1999, стр.2–3]

В современных славянских языках принципы лексикализации глаголов в большинстве случаев трактуются как наследие активной типологии, что мы покажем на примере: так, в русском языке существительные мужского рода могут быть одушевленные и неодушевленные, и в системе глаголов различаются так называемые классификационные глаголы (*classificatory verbs*) бытия или наличия в стабильном состоянии. Они строго соотносимы с качественно различными референтами: в таком контексте небытийный субъект выражен родительным падежом, и на данном этапе развития языка имеется грамматическая категория глагольного вида, указывающего на то, что событие совершается целостно или нецелостно.

При этом имеются в виду семантические построения с глаголом-сказуемым в литературном языке и диалектах.

II. Глаголы *paliti и *žegti

Общие семантические поля о температурном воздействии на продукты (т. е. кулинария и ее вторичное значение) имеют некоторые праславянские глаголы: *paliti, *žegti, *žariti, *gorěti, *grěti, *pariti, *vьrjeti, *pekti, *variti, *smažiti, *prъžiti. Необходимо углубленно исследовать семантику каждого из этих праславянских глаголов для того, чтобы описать структуру современного семантического поля славянских языков с целью создания полной картины семантической поля и анализа его лексического выражения, которое намного сложнее однозначного соотнесения лексемы и семемы.

На начальном этапе изучения, с одной стороны, должен быть проведен анализ соотношений каждого кулинарного термина из славянских языков, глагольного смысла и физического воздействия (нагревание в замкнутом пространстве или на открытом огне) и нагреваемого объекта (мучные продукты, мясные и пр.). С другой стороны, при этом встанет задача выявить, как и в каких смыслах в каждом отдельном славянском ареале употребляются праславянские глаголы paliti, žegti и выяснить причины этого. Следующий уровень компаративистской работы предполагает описание синонимических отношений данных глаголов, возникших у славянских народов в сфере их вторичного смысла, потому что семантическое поле как механизм образования лексики и ее смысла использует все способы, выражающие метафорическое значение.

Мы проводим анализ на основе «Общеславянского лингвистического атласа» [Якушкина, 2008].

В южнославянской диалектной системе праславянские глаголы *paliti и *žegti («предавать огню» употребляются как жегти и paliti, но в сербском и хорватском литературных языках, глагол paliti является, единственным средством выражения семантики „предавать огню“, а

глагол *zegtì* встречается крайне редко. Из этого логически следует, что новая форма именно *paliti*, а **žegtì* (жегти) — первоначальная форма. Такая направленность структурной эволюции кажется тем более вероятной на фоне значительно более общего наблюдения об исторической связи, существующей между понятиями «переходности» и «непереходности».

Среди вторичных значений глагола **žegtì* в южнославянских диалектах зафиксированы: „болеть (об ощущении жара, горения на коже или во внутренних органах)“:

с.-хорв. *seaјoj* нога поцрвенила, тако је жеже да не мож да слава

у нее вся нога покраснела, так горит, что она не может спать
[Reić, Baclija: 442],

макед. како огни жежеше

жгло, как огнем (со значением греть)

с.-хорв. жежен кашу хлады

„обжегшийся дует на кашу“ [Вукове пословице: 90].

Эта группа глагольных значений с общей семой „сообщать чему-то высокую температуру“ связана с именным значением „горячий“. В грамматике на чисто семантических основаниях выделяются транзитивные и интранзитивные глаголы, но в этом случае, по нашему мнению, следует осознать «двойственное переходно-непереходное употребление этих глаголов», чтобы увидеть фактический процесс изменения принадлежности этих языков от языков активного строя, отличного от номинативного и эргативного, к языкам номинативного строя.

Таким образом, южнославянская диалектная система имеет целую систему пережитков того состояния глаголов в языках активного

строю, при котором отсутствовала дифференциация значений переходности и непереходности.

Широкое употребление глаголов гнезда *žeg- в значении „предавать огню“ в русском и в словенском языках „жечь дрова, жечь бумагу“, по-видимому не имеют параллелей в других славянских языках, потому что в этих языках к первичному значению „предавать огню“ добавилось видовое значение, обозначающее, что пламя проникает в глубину объекта.

Праславянский глагол *pekti главным образом обозначает процесс 'печь' и в русском диалекте часто употребляется со значением 'фабричное' или 'хлебобулочное изделие'. Эта лексема '*рек' есть в польском, словацком и болгарском языках, а существительные «nomina actionis» от глагола с данной лексемой встречаются в украинском 'печеня', белорусском 'пячэнне', словацком 'rešenie', в других же славянских диалектах, то есть то, что пекут, изменяется — это не мучные продукты, а мясные.

Праславянское слово, обозначающее такое действие как '*rešenyje' выступает в значении 'мясные продукты' в западных и южных диалектах (например, в южнословацких, штокавских, кайкавских и чакавских говорах). В словенском языке слово 'rešenka' употребляется в значении 'жареное мясо, приготовленное на мангале или на вертеле'. Кажется, что в самом слове '*pekti' есть диалектная разница в элементах, которые составляют его смысл. Анализируя значение в его дериватах, можно сказать, что диахроническое развитие значения праславянского глагола *pekti связано со следующими факторами:

- 1) стандартная сочетаемость глагола,
- 2) семантика бездополнительного употребления данного глагола,
- 3) семантика деривата в диалогe (что и как можно печь в данных языках).

В русском языке глагол 'испечь' обычно сочетается со словами «хлеб», «блины», «пирог» и пр. Русское слово 'печеное' обозначает 'выпекание хлеба' и 'запеканка' — слово, имеющее глагольный корень '*рек-', но не имеющее значения 'хлеб' и обозначающее запекание какого-либо продукта в тесте. Другой объект (мясные продукты или овощи) описывается префиксальным глаголом 'запечь' но это действие находится на периферии русской кулинарии.

Разница типичной смысловой сферы объектов (дополнений), которые управляют глаголами 'печь' и 'жарить' относительно характера процесса технического приготовления продуктов, описываемого данными глаголами:

- 1) В процессе, обозначаемом глаголом 'печь', продукты подвергаются сильному температурному воздействию горячих углей или костра в замкнутом пространстве, например, в печи и т. д.
- 2) С другой стороны, глагол 'жарить' выражает значение — нагревать продукты на раскаленной и наружной стороне чего-то на открытом пространстве.

Очевидно, что в русском языке глагол 'жарить' имеет стандартный денотат — готовить продукты на сковороде, в жаркой печи, на огне. Традиционная пища, рыба и мясо в вяленом, сушёном и жареном виде жарится на костре.

Более широкое употребление, чем в русском имеет продолжительная форма глагола '*pekti' в белорусском и украинском языках.

1 белорусский язык:

Глагол 'пячы' значит 'готовить еду сухим нагреванием на открытом огне, в золе, в духовке или на сковороде'. Его объект: «пірагі, бульба, яечня, яблыкі», то есть «пирог, картошка, яичница, яблоки» [ТСБМ, 531]. Но этот глагол очень редко сочетается с мясом, а глагол 'смажыць' — обозначает жарить на огне рыбу, мясо, грибы и т. п. [ТСБМ, 610]. Кроме того, имеется глагол 'пражыць', который

составляет одну часть семантического спектра русского глагола «жарить» (в устной речи), появляющийся в связи со словосочетанием, обозначающим приготовление пищи из зерна.

2 Украинский язык:

Украинский глагол 'пекти', как и в русском языке, прежде всего указывает на приготовление мучной пищи, хлеба, пирогов, блинов и т. д. С ним связано приготовление пищи в закрытом пространстве, в духовке, без использования жира. Так готовятся, например, печеный лук, свекла, картошка, яблоки, груши. Но в украинском глаголе 'пекти' есть дифференциальная особенность по сравнению с русским 'печь'. Во-первых, данный глагол обычно связан с приготовлением мяса и активно используется в книгах по кулинарии при описании разных способов приготовления этого продукта. «Хлеб» как объект по негласному соглашению перестает управлять этим глаголом. Говорящий, носитель украинского языка, осознает русское слово 'печеное' не в значении (*смысл) 'выпечка', как у русских, а в значении 'запеченное': «печене (яблуко, картопля)». Описывая приготовление мяса, можно употребить дериват этого глагола — «запі(е)кати», но в таком случае это будет обозначать приготовление пищи на открытом огне — на костре с использованием вертела и пр. Украинское выражение 'напекли шашликів або м'яса' по-русски можно выразить следующими словами: «напечь шашлыков или мяса». Но это необычное словоупотребление. Обычное — «напечь пирогов и нажарить мяса».

3 Польский язык:

В польском языке, когда говорится о мясе, которое жарится в печи или на открытом огне, употребляются глаголы *piec* и *smażić*, указывающие на приготовление блюд путем нагревания на жире или в бульоне.

При использовании данного глагола подразумевается, что для приготовления пищи необходима некая жидкость: например, жир или бульон, потому что смысл этого глагола (*во время приготовления ,

потому его смысл) близок по своему значению (*слова к) праславянскому глаголу '*variti', smažić (konfitury) «варить варенье».

4 Словенский язык:

В словенском языке в семантическое поле глагола *reči*, помимо уже известных нам ситуаций типа *reči kruh*, *rečiivo*, *palaićinke*, *krompir*, *meso na gažnju*, *vreči* то есть 'печь хлеб, выпечку, блины, картошку, мясо на вертеле, в печи'[SS, 827] входит и значение приготовления пищи на сковороде с использованием масла и жира.

Глагол *pražiti* выражает более специализированные по сравнению с *reči* значения, а именно 'обжаривать на масле':

pražitijetra, *koščke mesa*, *krompir*, *čebulo na olju*

'жарить печень, кусочки мяса, картошку, лук в масле',

и такие периферийные понятия, как, например, обработка сыпучих продуктов:

pražiti drobtine, *moko*, *kavo*, *sladkor*

'поджаривать крошки, муку, кофе, сахар'[SS, 971]

5 Другие южно-славянские языки:

В сербском, македонском и болгарском языках глагол **pekti* обозначает приготовление пищи в печи.

с.-х. *peћи* хлеб, рыбу, кромпир, месо, пиле

печь хлеб, рыбу, картошку, мясо, цыпленка

макед. *печелеб*, *печени патлицани*, *печено месо*

печь хлеб, печеные баклажаны, жаркое

болг. *пека баница*, *пека месо*

печь пирог, мясо

на углях или в жаровне

с.-х. пе()и кромпир, кукуруз

печь картошку, кукурузу

с.-х. печењак, печењар

жареный початок кукурузы, тот, кто жарит кукурузу на про-
дажу

печењарити, печењарница — термины, связанные с этим за-
натием [МС 1971 411]

на вертеле над открытым огнем

с.-х. пећи месо, печено јагње;

макед. пече месо на ражен, печено јагне

жарить мясо на вертеле, жареный барашек

или на раскаленной поверхности:

с.-х. пећи паприку; макед. печени пиперки [РМЈ 2, 161],

печь перец, печеный перец

болг. пека в тиган

жарить на сковороде

а также варку кофе и приготовление фруктовой водки:

с.-х. пећи ракију, каву

(сюда, возможно, относится:

с.-х. печено вино [МС 1971, 411]

вино из сока или изюма

болг. пека яйца

Семантика страдательного причастия «печен» у македонцев конкретизируется в значении жареного на огне или запеченного в печи мяса, ср. печено 'жаркое', свинско печено, печеница, это же значение во всех трех языках лексикализуется и в дериватах *pekŭti:

с.-х., макед. печеница [МС 1971, 411], печење [PMJ 2, 161]

с.-х. печеница [МС 1971, 411], печење [PMJ 2, 161]

с.-х. печенка [МС 1971, 411],

болг. печеница, печень [Геров, 27].

Жаренье/обжаривание/поджаривание на сковороде с использованием жира в этих языках обозначается глаголом пржити/пржи/пържи:

с.-х. пржен кромпир

макед. пржени кромпири, пржен кромид, пржено месо

болг. пържено месо, лук, ориз

III. Глаголы *uŭiti и *uŭivati

В западных славянских и южных славянских языках сохранились разные формы праславянского глагола *uŭiti/*uŭivati и значение их можно сформулировать так: «обладать объектом X в процессе жизни и с пользой для него». Эти глаголы употребляются в переносном значении, реализуемом в широкой форме „использовать что-либо“ и в узкой – „принимать пищу“.

Первичное значение этих глаголов — „находиться“, а в русских, болгарских и серболужицких говорах, продолжительная форма протославянского глагола *užiti вообще отсутствует. В варианте глагола *žiti, который имеет значение „бытие“ есть оппозиции, которые образуют ю. и вост.-слав. дериваты с семантикой „использование имущества“, с одной стороны, и продолжительная форма чешской и словацкой семантической пары с — «употреблять/использовать» (НОСС 1997, 152-156).

Из синтаксического обзора принципов системной организации лексики в вышеуказанных языках можно заключить, что в случае глаголов +užiti/+uživati глагол „употреблять“ обозначает удовлетворение духовной потребности деятеля, и это значение создается посредством использования дополнения(объекта). Е. И. Якушкина упомянула что корреляция „польза“ — „наслаждение“ является логически объяснимой семантической универсалией, ср. лат. *frui*, нем. *genießen*, венг. *élvezni valamit* „использовать, наслаждаться“. В лексических системах данных языков в нейтральных глаголах, принадлежащих к среднему залогу, /т. е. к непереходным глаголам/, усиливается тенденция использовать их в контексте, в котором есть имя объекта направленности любого активного действия и, в частности, движения. Более того, как уже мы отметили в коротком обзоре выше, в конкретном контексте эти глаголы употребляются в переносном значении „использовать что-либо“ и „принимать пищу“.

хорв. *brez znoja i bez truda kruh uživa*

без пота и труда пользуется хлебом (имеет, ест хлеб)

naša stada mirno pašu uživaju

наши стада мирно пасутся (RJA 83, 487)

В сербских и хорватских текстах этот глагол употребляется не только в значении „находиться“, но в переносном значении. В более

старых текстах *uživati* часто выступает в синонимичной паре с *gospodovati* как единая формула благополучия, в которой *uživati* свободно заменяется на *blagovati* или *dobrovati* „жить в счастье, достатке“:

с.-хорв. господуе и уживае и од тога даючи

властвует и распоряжается, от того подавая

Таким образом данный глагол *uživati* — „получать прибыль или удовольствие“ переходный, но и диалектах часто используется и второе значение „наслаждаться“ в котором он выступает как непереходный глагол:

с.-хорв. Тако ми душа на они свијет уживала и Тако ми душа царовала

<букв. Пусть моя душа так блаженствует на том свете>

Кстати глагол «пользоваться» обозначает «обычно питаться» в диалогическом русском языке.

В данных примерах грамматическое значение вступает в противоречие с конкретным смыслом: глагол *uživati* является непереходным но здесь употребляется в переносном значении „наслаждаться“. В западнотславянских языках *+uživati* в значении „наслаждаться“ нередко употребляется с компонентом *si*, усиливающим свойственную этому глаголу семантику действия, производного для себя, в своих интересах.

словац. *užili si slnka*, чеш. *tak si to užijte!*

хорошо проведите время

словац. *dost sa užili cez dovolenku*, чеш. *o dovolene se spolu hodně užili*.

Они хорошо провели отпуск.

чеш. tešil se, že se trochu užije

Он предвкушал удовольствие (ЧРС 1976)

У южных славян широкое распространение получило безобъектное употребление +uživati в значении „получать удовольствие, наслаждаться“.

с.-хорв. sedim i uživam

сиджу и наслаждаюсь

sedite, uživajte malo.

посидите, отдохните.

И в предложном словосочетании с местным падежом,

словен. uživati življenje/uživati v življenju

наслаждаться жизнью.

uživati ob pogledu na morje

наслаждаться (любоваться) видом моря

uživati ob skodelici kave

получать удовольствие от кофе

с.-хорв. uživati и životu, и knjizi

наслаждаться жизнью, книгой

Можно заключить, что грамматические аспекты глаголов южнославянских языков, которые мы установили при помощи вышеуказанного анализа, показывают, что в этом признаке налицо явления,

напоминающие типичные импликации активной типологии. Они твердо придерживаются первоначального принципа перехода к аналитическому выражению в отличие от тенденции восточнославянских языков. Кроме того, не только в синтаксическом отношении, но и со стилистической точки зрения это явление выявляет различие данных глагольных значений в восточнославянских и южнославянских языках.

Как следует из вышеуказанного значение глаголов +užiti/+uživati, которое сложилось у чехов и поляков, и значение русского глагола „наслаждаться“ соотносимы, но в русской паре вряд ли можно усмотреть значение „субъект устроится с полным комфортом“ или „субъект удовлетворится“, которые общеприняты в западнославянских языках.

В следующем изложении, мы приведем пример из истории английского языка, который иллюстрирует, как лексикализованные глагольные слова превращаются в синтаксическую конструкцию.

1. Факторы, оказавшие влияние на появление множества переходных глаголов:

В эпоху староанглийского языка количество непереходных глаголов было намного пребышало количество переходных глаголов и глаголов, совмещающих значения переходности и непереходности. После этого переходные глаголы умножились. Причины такой тенденции мы усматриваем в следующем:

- а) В среднеанглийском языке падежные аффиксы пали и уже не было разницы между дательным и винительным падежом, с одной стороны, и родительным падежом множественного числа имен существительных, с другой. Поэтому почти все непереходные глаголы стали переходными.

- б) В староанглийском языке было много глаголов, функционирующих как переходные глаголы, в результате присоединения префиксов к корню. Потом их префиксы пали, и формы переходных и непереходных глаголов остались теми же самыми и собственно непереходные глаголы развили в себе функцию переходности.

непереходные глаголы	переходные глаголы
ġrestan (= givereſtto)	reſtan (= reſoſe)
ġegrōwan (= produce)	grōwan (= ſprout)

- в) В староанглийском языке существовали глаголы, в которых значение переходности/непереходности выражалось противопоставлением некоторых гласных. Потом это противопоставление стерлось и обе функции нейтрализовались.

непереходные глаголы	переходные глаголы
brænan (= burn)	brinnan>burn
ſprengan (= ſpring)	ſpringan>ſpringen
ſtencan (= ſtink)	ſtincan>ſtincen

2. Усиление переходности глаголов.

Приведем пример, который покажет усиление переходности глаголов и переход к личным глаголам. В современном английском языке глагол *love* является переходным глаголом, но в староанглийском языке он был безличным глаголом и мог свободно связываться с придаточным предложением с сочинительным союзом 'that':

sipa ġelīcade eallum folcum pæt hīe ...

Afterwards it pleased all the people that ...

Потом всем приятно что ...

Из-за того, что глагол *ľiciať* безличный и в нем не было переходности, которая обозначала бы оказать влияние на другого человека, он, может быть, обозначал „be agreeable to“ «можно согласиться с...» и объект, выраженный дательным или акзативным падежом, был получателем состояния, с которым можно согласиться.

Потом безличная конструкция превратилась в личное предложение, а объект был переадресован и стал субъектом. В этом процессе субъект, бывший объект, не пассивное существо. Он постепенно получил роль действителя и его значение само изменилось следующим образом: «кому нравится, у кого создается впечатление симпатии». *Таким образом глаголы сильной переходности могут связаться с инфинитивами.

Значения глаголов *+užiti/+uživati*, которые образовались у южнославянских народов почти полностью соответствуют русскому глаголу „наслаждаться“ но со стилистической точки зрения у них разные словоупотребления.

Южнославянские глаголы и глаголы чешского языка *+užiti/+uživati* используются в стихотворениях, которые написаны на диалекте и они отличаются и от русского „наслаждаться“, который совпадает со старорусским глаголом, и от с.-хорв. *naslađivati se* и словен. *naslajati se*, которые являются синонимами в южнославянских литературных языках и чешском литературном языке */kochat se/*.

Словоформа сербского глагола *уживати* совпадет в литературном языке и диалекте но, кроме того, в диалекте есть варианты: *уживат*, *уживкам*, *уживација*. Вышеуказанные глаголы встречаются в чешском, сербском, хорватском, словенском и македонском языках и употребляются в обыденной речи и просторечии. С.-хорв. и словен. лексема „*uživati*“ и м. „*ужива*“ чаще используются в значении «весело провести время», чем в значении «употребляться» и функционируют

в устной речи.

**Синтаксическая особенность объекта
южнославянского глагола *uživati* –
усиление аналитического выражения**

синтаксическая конст- рукция объекта	значение
1) о + имя(в предл. п.)	истина, чувство
2) в чем-то	стоять про- тив объекта находить наслаж- дение в чем-то

В речи юж-
нославянской ин-
теллигенции
употребление
глагола *uživati*
в этимологичес-
ком значении
является неос-
новным по срав-
нению с литер-
атурным словом
с.-хорв. нас-
лаћивати се и
словен. nasla-

jati se. Е. И. Якушкина заметила, что когда мы переводим русский текст 18 – 19го веков мы можем перевести сербский глагол *уживати* как русский глагол наслаждаться, который имеет и духовный смысл. Производит впечатление своеобразие объектов, которые сербский глагол *uživati* выбирает, по сравнению с русским наслаждаться. Почти все они очень конкретны. Это проявление традиционной культуры и народного чувства сербов.

uživati u hrani, u piću , *uživati* na suncu, u muzici, u knjizi koju
čitam

наслаждаться ядом, напитком, солнцем, музыкой; наслаж-
даться книгой, которую ты читает.

uživati u samoći, na nekoj žurci, u pivu

наслаждаться одиночеством, на вечеринке, пиво

uživati na nekoj visokoj funkciji

наслаждаться, занимая высокий пост

uživam dokgledam nešto (malu decu kako se igraju u pesku)»

наслаждаюсь, наблюдая за чем-то (за детьми, играющими в песке)

«Keva i ćale idu večeras u vikendicu i tamo će spavati. Imam praznu gajbukoja uživancija!» - «Blago tebi, moji su uvek kod kuće»

Мать с отцом вечером уезжают на дачу и там будут ночевать. Квартира пустая - какое счастье (наслаждение)! - Везет тебе, а мои всегда дома сидят.

Для русских в этом контексте более привычно умеренное выражение «получать удовольствие», «нравиться», «любоваться» и т. д.

IV. Заключение

Подведем итоги. Есть основания предположить, что в архаической славянской лексико-семантической системе глагол **pekti* имел широкое значение 'приготавливать пищу на костре или в печи, воздействуя на продукты теплом от раскаленной поверхности, или непосредственно от огня, то есть «сухим образом», и противопоставлялся глаголу **variti* 'приготавливать пищу, воздействуя на продукты теплом от кипящей воды', поэтому вместе они образовывали ядро семантического поля приготовления пищи.

Догадавшись, что архаические элементы языка активной типологии указывают на структуру языка классного строя, Г. А. Климов приводит одно высказывание Р. де ля Грассери и объясняет данное диахроническое явление тем, что некий глагол управляет только одним классом существительных.

показатель класса (так же как показатель рода в английском языке) имеет скрытую форму проявления; правда, в данном случае класс определяется не местоимением, а выбором определенного корня глагола, который

употребляется с одним классом (имен существительных. — Г. К.) и не употребляется с другими, хотя есть много глагольных корней, не подвергающихся этому различию. Я не думаю, — заключает Б. Уорф, — чтобы такие различия, по крайней мере в навахо, были в большей степени простым лингвистическим обозначением нелингвистических объективных различий, представляющихся одинаково всем исследователям, чем род в английском языке; скорее это скрытые грамматические категории. (Г. А. Климов с. 70)

То, что эти два глагола структурировали гастрономическое поле и выражали квинтэссенцию народной кулинарии, показывает сохранение данной корреляции в славянской фразеологии:

укр. печене й варене [ФСУМ 1999, 625];

серб. ни печен ни куван [МС 1971, 411],

болг. ни варени, ни печени [Геров, 21];

печен и куван [МС 1971, 411]

болг. вари го, печи го [РСБКЕ 2, 479].

Когда мы рассматриваем принципы структурной организации лексики глаголов +užiti/+uživati на синтаксическом уровне, лексическое значение „использовать“, которое является этимологическим значением данных глаголов варьирует и получает значение, „наличие у субъекта какого-то удовольствия или наслаждения, созданного употребленным объектом“.

В этом случае у объекта возникает непереходное значение „удовлетворить“, а также „жаловаться“, чаще всего в диалоге. Этимологическое значение глаголов +užiti/+uživati „существовать“ но потом оно изменилось и глагол стал обозначать „жить довольно“.

Синтаксическая конструкция «глаголы +užiti/+uživati + объект Х» означает обыкновенно «у человека есть объект Х для того, чтобы прожить» и кроме того в активном контексте обозначает «употреблять некоторую вещь» и в узком смысле посматривается как «кушать еду». Более того при данных глаголах отмечено сокращение объекта и усиление аналитическое выражения предложным словосочетанием, что фактически свидетельствует о потере переходности в данных глаголах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Г. А. Климов Типология языков активного строя, «Наука», М., 1977
- [2] Е. И. Якушкина «Не все приятное полезно?» (семантика слав. +užiti/+uživati „пользоваться, наслаждаться”) // Общеславянский лингвистический атлас, Материалы и исследования 2006-2008 РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Сборник научных трудов, М., 2008
- [3] Е. И. Якушкина, Семантика глаголов *žegti и *paliti в южнославянских диалектах // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура, Памяти Галины Петровны Клепиковой. РАН, Институт славяноведения, М., 2008
- [4] Г. П. Клепикова, К проблеме изучения греческих заимствований в языке новоболгарских дамаскинов XVII-XVIII веков. // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики слова в контексте культуры, РАН, Институт славяноведения, Изд. «Индрик», М., 1999
- [5] С. Младенов. История на българския език. София, 1979.
- [6] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. I-III. СПб., 1893-1903.

- [7] Н. Геров. Речник на българския език, София, 1977, 1978.
- [8] Хорихата Масаоми, Исследование японского языка в собрании материалов древних записей, Сеибундо, Токио, 2007
- [9] Накао Тосио и др., Современная английская грамматика с исторической точки зрения, Таисюукан Сётэн, Токио, 2005
- [10] Хидака Мидзухо, Грамматикализация - грамматика диалогов// Серия диалектологии 2, Иванами Сётэн, Токио, 2006
- [11] Е. В. Рахилина, И.А. Прокофьева, Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения, сс.60 — 78, ВЯ, № 1, РАН, Изд. Наука, М., 2004
- [12] БТР (1955) — Български тълковен речник. София, 1955.
- [13] БТР (1973) — Български тълковен речник. София, 1973.
- [14] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. I-IV.
- [15] МАС — А. П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4-х томах. М.
- [16] МС (1967, 1971) — Речник српскохрватског језика. Т. II, IV. Нови Сад, 1967,1971.
- [17] НОСС (1997) — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997
- [18] ОЛА (1988, 1990, 1994, 2003) — Материалы общеславянского лингвистического атласа по вопросу 1081, архив Ит-та русского языка РАН.
- [19] РМЈ (1965) — Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Т. II. Скопје, 1965РСБКЕ (1957) — Речник на съвременния български книжовен език. Т. 2. София, 1957

- [20] ТСБМ (2002) — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002
- [21] ФСУМ (1999) — Фразеологічний словник української мови. Кн. 2. Київ, 1999.
- [22] ЧРС (1976) — Чешско-русский словарь. Т. I–II. М., 1976.
- [23] PSJP (1996) — Podręczny słownik języka polskiego/ Red. Tomu Elzbieta Sobol. Warszawa, 1996.
- [24] SJPD (1958-1969): Słownik języka polskiego. (10 tt.) / Red. nacz. Witold Doroszewski. Warszawa: PWN, 1958-1969.
- [25] RJA (1880 - 1976) — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880-1976.
- [26] SJPSz (1995): Słownik języka polskiego PWN/ Red. nacz. mieczysław Szymczak. Warszawa, 1995.
- [27] SS (1995) — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1995

A systematic research into lexicological typology in Slavonic languages

Summary

The aims of this paper are as follows:

- 1) to describe the correlation between the lexicalization principle of Slavonic relative verbs and changes in syntax,
- 2) to examine the historic causes of these changes with reference to the syntactic model of Slavonic languages.

The first chapter, entitled *Introduction*, deals with theoretical aspects of Slavic vocabulary from the viewpoint of lexicographical typology, also with reference to relevant morphological aspects.

Change in language becomes more frequent as contact between peoples increase. Russian, an east Slavonic language, still maintains a special system for verbs of motion. However, this system is weakening the further west and south one moves in the Slavonic languages region. Furthermore, this system is collapsing in each language. This can also be said for expressions of possession/existence or non-possession. On the contrary, moving from south to east, the subject of existence/possession does not take the nominative case and the expression noting the object becomes marked. Expressions of movement, possession and existence are also expressed through the verb in Slavonic language, where a transitive or non-transitive verb mainly is used. In comparison with western and southern Slavonic languages, in Russian the weakening of ties between the subject and the predicate is notable. This is due to the increase of the so-called no personal sentence.

According to G. A. Klimov, it is assumed that the ergative case structure of languages, such as Georgian, in which an intransitive verb of motion is integrated with a transitive verb as one vocabulary item, is a point of progress towards the accusative linguistic structure, as has been the case in other modern European languages in the past.

The second chapter, entitled *The proto-Slavonic verbs *paliti and *žegti* presents an analysis of data on the following languages: Russian, Belorussian and Ukrainian, (belonging to east Slavonic languages), and Bulgarian, Macedonian and Slovenian, (belonging to south Slavonic languages).

We have described and investigated mainly the lexicalization principles for vocabulary with the meaning “to burn”. The proto-Slavonic verbs **paliti* and **žegti* existed as two verbs, “paliti” and “жерти”, meaning “to burn”, in Serbian of the southern Slavonic languages. The verb form “paliti” is used in the standard language, and “жерти” is used in the dialect. From this, the new form is “paliti”, found among these two words. The Serbian verb *paliti*, belonging to the southern Slavonic languages, has a meaning of “to burn, raise a flame”. Thus it is posited that this verb contains a breadth of meaning for “flame” due its etymology. The meaning “outdoor flame” is clearly also a subsidiary meaning of this verb. In addition, this verb also indicates the light of a flame.

This can be seen in the east Slavonic technical terms for vocabulary concerned with meals and campfire cooking, e. g.,

паланица “a flat cake baked with a cooker”

паланичка “a piece of potato piece cooked on an open-air fire”.

Furthermore, in the southern and the eastern Slavonic languages these words mean “mature”, or “red”, and are used as vocabulary for such things as ripe fruit. The verb **paliti* as an allegory for a flame appears in the medical field. This verb is used to name the process when a patient’s internal organs and body are sick, as well as indicating a raised body temperature, (R. воспаление, Serb. запаљење, Bul. запал, “pulmonary emphysema” припал). The derived forms of words from the verb **paliti* also include the fields of emotional meaning as well, and express phenomena related to flames.

There is a second difference between the verbs **paliti* and **žegti* as to the stress of pressure, the influence, the degree of the action on the object that these verbs influence. The verb with a meaning of “to stab” or “to stamp with a branding iron” between derivatives of verb **paliti* does not exist in Slavonic languages. In contrast, when the verb *žegti* is used in dialects, indicating: “to burn”, “to warm”, “to convey a high temperature”, “to stamp with a branding iron”, “to suffer from a disease”, and “food decay”. Thus the Russian verb “обжечь” indicates penetration of heat into the deeper parts under the skin, as in the example: обожгла руку “She burnt her hand.”

This is the result of this verb expressing an aspectual difference in meaning, signifying that the heat of a flame has penetrated deeper into a material over a long period of time. The set of the first meaning, the spectrum of the verb **žegti*, meaning “flame”, is clearly peripheral for the Balkan Slav people. Meanings such as “being hot”, “a sickly sign”, “a branding iron” and so on, occur as the meaning of this verb widely in this area. This tendency is followed in the dialects of southern Slavonic languages and in Ukrainian. Here one encounters the sense of “stabbing someone intensely” in this verb. The derived verb form also carries this meaning.

The third difference in the meaning between these two verbs, **paliti* and **žegti*, is a lack of awareness of the actions expressed by these verbs. In modern standard Russian the verb “палить” is fixed as an expressive meaning, and draws allusion to “acts that are impossible to carry out or of an unconsciousness with a large-scale result lacking common sense”.

See the next example: R. палить “to run quickly”; Slovak. páliť “to be over steadily”. The verb “палить”, including the same stem, has a second meaning which signifies “to shoot”. The meaning of “full-scale nature” that these words express dates back to ancient agricultural words indicating “opening the land for cultivation” or “setting fires in order to clear land”. Consider the next example: Bul. паленак, which mean “young shrubs that are burnt off to encourage new plant growth for sheep to browse on.”

There is the also ethical vocabulary in relation to this expressive verb: Serb. paliti “to deceive” опалити “to deceive”, опалија “a fraud”, палевина “an immoral person, a thoughtless woman”.

It may be said that these verbs, **paliti* and **žgati* both of which have the meaning “to burn”, manifest the differences in grammatical concepts in the Slavonic world; i. e., the characteristics of completion vs. non-completion, etc.

The neutral forms of the Slovene word “žgati” and Russian “жечь” are old forms. The verb that was the original Proto-Slavonic form **paliti* appeared at a latter stage in the development of the language. However, it did not remain in the Proto-Slavonic parent language. Nonetheless, in expressing the expansion of the later new phenomenon, it has contributed very much.

The third chapter, entitled *Proto-verbal forms “užiti” and “+uživati* concerns semantic aspects in syntactic structure, mainly the influence of the meaning of derivational phenomenon of semantics of the text. The original Slav words were distributed in the southwestern Slavic zone with the addition of a new prefix to a proto-verb “ziti”. The new meaning that came about with this combination of a complement to these verbs usually means that a subject has an object, called “X”, for the purpose of living in the process of his or her life. Furthermore, it often means that this subject “uses the thing already existing there” in a concrete extensive context. It is also considered to mean “to have food” in

a narrow sense as well. The original meaning of this verb is “to exist”. There is not generally any word succeeding the verb “+uziti”, to which the prefix “u-” has been added in spoken Russian, Bulgarian and in Serbo-Lusatian words. As for the derivation form of verb **uziti*, it may be mean “possession”, as its meaning developed from an original sense of “existence”. On the other hand, as in Czech and Slovak, the derivation form of the verb maintains its original meaning, a meaning, which may also signify “to use”. The verb stem of this old Slavic etymological word **uzit-* can be posited as **zir*. That is, the original meaning for these forms is “satisfaction to be provided from activity”. Lexical interpretation for development of the meanings such as the one above is considered to be self-evident. In other words, it may be said that the semantic root of the verb **ziti* includes contradicting values, such as, “activities in the process to win an article” vs. “the activities in the process of losing something”.

We tried to provide an overview to the structuralized principle of this vocabulary at a syntactic level: in the case of the verbs +uziti/ and +uzivati, the original meaning “to use” caused a change in quality through the process when the meaning of the verb is embodied. As a result, the sense of sufficiency is expressed as “self-contained” the subject by the complement. Furthermore, in a concrete extensive context, this verb usually means “to use the thing which exists there” and it may also be considered to mean “to have food” in a narrow sense, depending on the context. In other words, when this verb is used in certain contexts, the complement comes to contain an additional nuance of “an object spoiling the actor/a good object for the actor” from “a plain object.”

The vocabulary of the quasi-transitive verbs analyzed here can be seen in other European languages. Consider these examples: La. *frui*, G. *genießen*, Hung. *élvezni valamit*.

In other words, the semanteme of these vocabulary items is in the process of being structured by an intransitive verb. If this process continues, it is possible that such a sentence structure will become a sentence structure of the middle voice syntactically, while these type of verbs are essentially classified as transitive verbs. It is thought that this is evidence of the phenomena based on a tendency occurring in the southern European Slavonic languages

characteristically. In the ancient documents of Serbo-Croatian, verb “uzivati” was less confined to the original meaning “to exist”, and was used in the figurative meaning of “to live wealthily”.

This paper examined the relations between the combination of the subject and the predicate, and the combination of the predicate and the object, in the syntactic environment mainly focusing on the Slavonic verbs “paliti”, “žegti”, “+užiti” and “+uživati”. It, also, examined the strengths and weaknesses between the ties of mutual sentence elements in each Slavonic area.

We were able to demonstrate to some extent by this analysis that the contents which current Slavonic languages have inherited, as a common phenomenon, are reflected to a constant degree in the degree of the strength and weakness in the mutual combination between the sentence elements (that is, a subject, a predicate and a object).

Although this study is of course only preliminary, we hope to be able to develop the lexicographical data further. We also hope to further deepen our consideration of the syntactic environment and aim at demonstrating that this technique is effective for the development of the future lexicological typology.